

Александр ШУБИН,
доктор исторических наук

МЯТЕЖНЫЙ КОРНИЛОВ

Событием, которое резко изменило ход революции в России, стало выступление генерала Лавра Георгиевича Корнилова в августе 1917 года. Большим подарком для историков стал выход двухтомника документов Чрезвычайной следственной комиссии по делу Корнилова и его соратников¹. Магия архивного документа в этом случае оказалась настолько сильна, что часть историков иногда забывают: и следователи, и подследственные являются живыми людьми со своими пристрастиями и долей неоткровенности. И вот уже достаточно просто сослаться на этот двухтомник, даже без указания тома и страниц, чтобы сделать категорический вывод: «никакого заговора Корнилова не существовало»², а просто Керенский предал Корнилова. Позвольте, но ведь в тот же двухтомник входят и показания Керенского, где Александр Фёдорович вопиёт об обратном. И к тому же комиссии — и без того симпатизировавшей генералу — было не всё известно. Следователи не знали о некоторых разговорах генералов Корнилова и Лукомского, о которых последний поведал в своих мемуарах, не стали «раскручивать» темы засылки офицеров в Петроград, договорённостей о финансировании Лавра Георгиевича бизнесом, подготовки к террору в Петрограде. Впрочем, утверждения об отсутствии заговора — это ещё ничто по сравнению с утверждениями современных телепублицистов о том, что не было не только заговора, но и мятежа Корнилова.

Генерал Л. Г. Корнилов. Запечатлён с орденами св. Георгия 3-й степени на шее и св. Георгия 4-й степени на груди. 1918 г.

ЗАЧЕМ ОН ПРИШЁЛ?

Стремительное восхождение Корнилова от одного из командармов до главнокомандующего произошло в июле не благодаря победам (это время отступления) — решающую роль сыграла политика. А значит, следует обратить внимание на тех, кто организовал это продвижение Лавра Георгиевича.

Правые политические круги обратили внимание на перспективного генерала ещё в апреле, когда он попытался применить силу при разгоне митингов. В действующую армию Корнилов отправился с очень необычным ординарцем Василием Завойко — бывшим членом правления общества «Эмба-Каспий», заседавшим там вместе с такими финансовыми тузами, как А. Путилов и А. Вышнеградский. В бизнесе Завойко был выдвигателем Путилова³. К тому же Завойко являлся издателем, входившим в пул оборонческой прессы. Но он бросил эти дела и отправился с Корниловым на фронт. Новое направление работы было важнее: здесь требовался проверенный топ-менеджер и пиарщик. Имея широкий доступ к финансовым средствам, Завойко развернул кампанию восхваления своего шефа, включая раздачу подарков солдатам и публикацию апологетической брошюры о генерале⁴.

Завойко предложил своему шефу «изложить всё положение» комиссару фронта Борису Савинкову — видному эсеру. В этой встрече участвовал и комиссар 8-й армии М. Филоненко. Они нашли взаимопонимание, и Корнилов был рекомендован в качестве кандидата в командующие фронтом от имени армейских комитетов ЮЗФ⁵. Так Савинков начал продвигать Корнилова в Верховные главнокомандующие.

Завойко, который, по мнению Корнилова, «отлично владеет пером» и мог придать заявлениям генерала «сильный художественный стиль»⁶, подготовил для Корнилова проект телеграммы Временному правительству с требованием введения смертной казни, но генерал воздержался от её отправки, пока не будет назначен командующим фронтом. Однако через три дня телеграмма была поддержана Корниловым, Савинковым и Филоненко, отредактирована и 8 июля отправлена от имени новоиспечённого командующего фронтом вместе с телеграммами этих двух⁷. Смертная казнь на фронте была введена Временным правительством 12 июля. Так Савинков и Филоненко поняли, что Корнилова можно использовать как инструмент для давления на Керенского.

В контексте планов создания «более сильной» власти Керенский 18 июля провёл три важных назначения: Савинков стал управляющим военным ведомством, фак-

тическим заместителем Керенского по военным делам; близкий к нему по взглядам Филоненко стал комиссаром при Верховном главнокомандующем, и, наконец, Корнилов с подачи Савинкова был назначен главкомверхом.

Это назначение имело необратимые политические последствия, и позднее Керенский не мог внятно объяснить, зачем понадобилось срочно отправлять Брусилова в отставку⁸. Почему Керенский вообще решил искать замену Брусилову, который был всё ещё популярен и, как минимум, политически безопасен? Объяснение, скорее всего, в том, что Керенскому нужно было найти «крайнего» за поражение на фронте, имевшее столь важные политические последствия. Наступление, которое должно было стать победой Керенского, теперь обернулось поражением Брусилова. Назначением нового, уже распиаренного главнокомандующего следовало загладить впечатление от поражения и вселить в армию и общество новые надежды.

После почти недельных препирательств по поводу условий своего главнокомандования 24 июля Корнилов выехал в Ставку. 30 июля на совещании в Ставке он анонсировал свой курс: «Для достижения целей войны необходимо иметь три армии: в окопах, в тылу — в мастерских и заводах и третью — железнодорожную, которая бы подвозила изготовленное в тылу на фронт. Для оздоровления рабочей и железнодорожной армий необходимо подчинение их той же железной дисциплине, которая устанавливается для армий фронта; вопрос в том, какие для этого необходимы меры, пусть разберут специалисты»⁹. Корнилов выступил также за создание военно-революционных судов и введение смертной казни в тылу, в том числе в отношении гражданских лиц.

В основе предложений главкомверха лежала записка генерал-квартирмейстера Ю. Плющевского-Плющика, которая в августе дорабатывалась Савинковым и Филоненко для презентации Временному правительству. Идея Корнилова и Плющевского-Плющика заключалась в укреплении дисциплинарной власти начальника и ограничении полномочий комитетов и комиссаров¹⁰. Помимо чисто военной стороны рассматривалась и политическая, ибо эти меры должны проводиться «если не одним диктатором», то людьми «мощной воли»¹¹. Корнилов внёс в доклад карательные акценты. Они вполне устраивали Савинкова, а вот от системы комиссаров и комитетов он отказываться не собирался: нужна была страховка от самого Корнилова.

3 и 10 августа генерал пытался выступить с этой программой во Временном правительстве, но Керенскому удалось предот-

вратить постановку столь шокирующего документа перед кабинетом: 10 августа Корнилова заслушал лишь «триумvirат»: Керенский–Некрасов–Терещенко. Савинков изо всех сил лоббировал эту программу, угрожая даже отставкой, и в итоге был подготовлен проект закона о введении смертной казни по приговору «революционных» судов в тылу. Однако Керенский пока не одобрял этот проект и не выносил его на заседание правительства. Ведь обсуждение предлагаемой меры было чревато немедленным распадом коалиции кадетов и социалистов.

Слухи о политических планах генерала разносились всё шире, и Корнилов превратился в центр консолидации правых сил, включая кадетов. Правая общественность простила ему и такой крупный провал, как сдача Риги 20 августа, списав его на «разложение армии» треклятыми большевиками. Левая, советская, Россия — вплоть до Чернова и Мартова — боялась, что Корнилов вот-вот совершит «18 брюмера». Опасался этого и Керенский, но для него, как и для Савинкова, Корнилов и корниловцы были инструментом, с помощью которого можно было отгородиться от давления слева, а то и покончить с советской демократией. Савинков и Филоненко, выступая от имени правительства в отношениях с Корниловым и шантажируя Керенского Корниловым, продвигали свою концепцию «сильной революционной власти». Для начала планировалось ввести в столице военное положение.

В этой обстановке Керенский запросил в своё подчинение конную часть, для того чтобы не дать повторить «июльские дни». Одно было связано с другим. Введение военного положения с возможным ограничением политических свобод, не говоря уж о такой непопулярной мере, как смертная казнь в тылу за политические преступления, — это был верный путь к волнениям похлеще июльских.

БЫЛ ЛИ ЗАГОВОР?

Интересно, что выдвижение к столице конного корпуса Крымова началось ещё до того, как это решение было согласовано с Керенским, — в начале августа¹². Генерал Лукомский вспоминал, что получил распоряжение Корнилова о передислокации корпуса 6–7 августа, причём, по наблюдению Лукомского, так, что это было нецелесообразно с военной точки зрения, но удобно корпус «бросить на Петроград или на Москву»¹³.

В сентябре 1917 года генерал М. В. Алексеев утверждал, что заговора генералов не было, а было предательство Керенского, которое сорвало уже достигнутую догово-

рённость¹⁴. Однако когда и каким образом она была достигнута? Все контакты Керенского и Корнилова хорошо известны. Единственный человек, через которого можно было договориться обо всём, — Савинков, который сам имел серьёзные разногласия с Керенским.

Корнилов прямо говорил Лукомскому: «Но впредь ничего никому говорить нельзя, так как гг. Керенские, а тем более Черновы, на всё это не согласятся и всю операцию сорвут»¹⁵. Следовательно, действительные планы Корнилова не были согласованы с Керенским, ибо премьер мог «сорвать операцию». Но с Савинковым планы «операции» обсуждались в Ставке 23–24 августа.

По плану Савинкова необходимо было подтянуть войска к Петрограду, а когда это будет сделано — опубликовать новый закон о введении смертной казни в тылу, в том числе в столице. Очевидно, что это вызвало бы там волнения, что стало бы предлогом для введения осадного положения и разгрома левых сил, разгона Советов, установления «коллективной диктатуры». Поэтому «надо, чтобы генерал Корнилов точно телеграфировал ему, Савинкову, о времени, когда подойдёт корпус к Петрограду»¹⁶.

Савинков «заигрался» с Корниловым, но это не является доказательством вовлечённости Керенского в планы Савинкова и тем более — в самостоятельные планы Корнилова. Говоря от имени правительства, Савинков не имел полномочий на политические инициативы даже от Керенского.

По словам А. И. Деникина, Корнилов ставил свои планы в зависимость от договорённости с Керенским, но, если бы её достигнуть не удалось, «предстояло насильственное устранение представителей верховной власти, и в результате потрясения рисовалась одна перспектива — личная диктатура»¹⁷.

Именно поэтому Керенскому совсем не нужен был корпус, верный Корнилову: «Если бы отряду Крымова удалось прибыть сюда, то оказалось бы совсем непросто избавиться от него, понимая, что в таком случае здесь в игру вступят те силы, которые ждали, как будут развиваться события, то есть посланники, которые собрались в Петрограде, и те группы, которые были организованы для оказания помощи с тыла в нужный момент»¹⁸.

Около ста офицеров, направленных Корниловым в столицу под предлогом обучения бомбометанию, инструктировались о возможности их участия в установлении военного контроля над Петроградом в связи с угрозой большевистского восстания¹⁹. Эта группа так и не вступила в дело — или потому, что офицеры не хотели действовать против Временного правительства, или по-

тому, что штурм Петрограда Крымовым не состоялся.

26 августа руководители этой организации, Сидорин и Дюсиметьер, явились к Путилову и предъявили письмо с просьбой Корнилова выдать им средства: офицерской «пятой колонне» нужно было на что-то жить в Петрограде. Путилов выдал первую партию средств и принялся собирать остальное. Правда, «переворотная команда» оказалась ненадёжной, но само наличие группы, нуждавшейся в неофициальном финансировании, говорит о наличии заговора²⁰.

Накануне корниловского выступления не дремали и георгиевские кавалеры. Один из руководителей их союза рассказывал генералу П. А. Половцову, что они «установили такое наблюдение за Советом, что в случае каких-нибудь происшествий в столице никто из Смольного не уйдёт живым»²¹.

Однако в самом корпусе Крымова всё было не так «оптимистично». Солдаты были готовы подавить восстание большевиков, но не горели желанием разгонять Совет²². Поэтому эти войска приходилось использовать втёмную под предлогом мифического грядущего восстания большевиков.

Савинков опасался, что Крымов может выйти из-под контроля, а участие кавказцев в жестоком «наведении порядка» в Петрограде скомпрометирует новую революционную диктатуру. Он попросил Корнилова назначить командиром корпуса кого-то другого и заменить Туземную дивизию регулярной частью²³. На словах Корнилов согласился, но эти обещания выполнены не были.

Даже симпатизировавший Корнилову эмигрантский историк Г. М. Катков был вынужден признать: «На самом деле, Корнилов был здесь не совсем искренен. Он прекрасно знал, из каких сил был составлен корпус Крымова, и вполне сознавал, что такую ценную по её решимости часть, как Дикая дивизия, нельзя в последнюю минуту устранить без ущерба для всей задуманной операции»²⁴.

«Не совсем искренен» — это очень мягко сказано. По возвращении с Государственного совещания Корнилов говорил Лукомскому: «Пора немецких ставленников и шпионов во главе с Лениным повесить, а Совет рабочих и солдатских депутатов разогнать, да разогнать так, чтобы он нигде и не собрался!.. Руководство этой операцией я хочу поручить генералу Крымову. Я убеждён, что он не задумается в случае, если это понадобится, перевешать весь состав рабочих и солдатских депутатов»²⁵. Таким образом, кандидатура Крымова была принципиально важна для успеха той операции, которую Корнилов задумал уже в середине августа.

В разговоре с Корниловым Савинков поддержал генерала в главном — необходимости изменения состава правительства, чтобы «советские социалисты были заменены не советскими». Корнилов настаивал: «Нужно, чтобы Керенский не вмешивался в дела»²⁶, то есть стал чисто номинальной фигурой, если уж сейчас его нельзя убрать из правительства.

К покорению столицы готовились тщательно. 25 августа Крымов написал приказ главнокомандующего Особой армией, который распечатал в семи экземплярах. Вопреки приказу Керенского в сферу её действия включался Петроград. С момента вступления в силу приказ вводил в столице осадное положение. Запрещались митинги, вводились комендантский час, предварительная цензура и военно-полевые суды из трёх офицеров²⁷. О том, что «восстание большевиков» было не более чем пропагандистским прикрытием, говорит и такое положение приказа: «разоружить все войска (кроме училищ) нынешнего Петроградского гарнизона»²⁸. Командирам частей были выданы приготовленные заранее детальные карты столицы с обозначением частей гарнизона и заводов. Вечером 25 августа, получив последние наставления от Корнилова, Крымов выехал к частям. 26 августа Корнилов издал приказ о создании «Отдельной Петроградской армии» на территории, включающей весь округ, за исключением Петрограда. То есть Корнилов до времени маскировал планы действий Особой армии в столице.

Всё это значит, что Керенский прав, когда пишет: «Моё «согласие» с Корниловым главным образом подтверждается вызовом этого корпуса якобы для того, чтобы использовать его для совместной с Корниловым деятельности в Петрограде. И опять же, моё «предательство» Корнилова и его партии также главным образом показано через мой «неожиданный» приказ остановить продвижение кавалерийского корпуса, вызванного в Петроград самим правительством в соглашении с главнокомандующим»²⁹. Но «к Петрограду подошли не те силы, которые были вызваны правительством, а под видом таковых прибыли войска генерала Крымова с враждебными по отношению к правительству целями»³⁰.

Вернувшись в столицу 25 августа, Савинков стал настаивать, чтобы Керенский подписал законопроект о создании в тылу военно-революционных судов, наделённых правом применения смертной казни. Керенский опять отказывался. Но 26 августа Савинков, по его словам, добился от Керенского обещания внести проект на заседание правительства³¹. Это вовсе не давало гарантии, что законопроект будет принят: Керенский ещё не определился, готов ли

он именно сейчас торпедировать коалицию либо утопить законопроект о введении смертной казни в тылу. Поэтому, дав обещание внести проект для обсуждения в правительство, он стал ждать подходящего момента.

МИССИЯ ЛЬВОВА

В такой обстановке вечером 24 августа в Могилёв прибыл Владимир Николаевич Львов (1872–1930) — недавний член Временного правительства, глава Святейшего синода.

Ещё 22 августа он явился к Керенскому и стал его убеждать, что правительство не имеет надёжной политической опоры и необходимо ввести в него правые силы, от имени которых выступал Львов. Керенский считал Львова представителем «родзянковской группы», связанной с московским капиталом. Львов действительно лоббировал интересы этой группы³², но всплеск его активности был спровоцирован его знакомым, членом исполкома Союза георгиевских кавалеров Добринским, который свёл его с другими сторонниками Корнилова. От них Львов узнал, что вокруг Ставки группируются люди, выступающие за провозглашение Корнилова диктатором³³. Львову понравилось участвовать в этой игре в качестве важного посредника. Это устраивало прокорниловскую общественность, которой нужен был свой канал воздействия на Керенского. Львов как бывший министр имел «доступ к телу» премьера.

Львов утверждал на следствии, что «прямо вырвал от А. Ф. Керенского дозволение» обратиться к различным силам в целях формирования «более крепкого кабинета»³⁴. Керенский, правда, никак не подтвердил таких полномочий. В показаниях следственной комиссии Керенский признал, что высказанная Львовым «секретность привлекла моё внимание»³⁵, он хотел бы выведать, кто стоит за Львовым. Тот интерес был истолкован Львовым как интерес к переговорам.

Решив, что «уполномочен», Львов направился к Корнилову. 25 августа Львов от имени Керенского попросил Корнилова изложить свою программу выхода из кризиса. Генерал, вероятно, подумал, что Керенский решил форсировать события, досогласовать оставшиеся разногласия с помощью ещё одного посредника, раз Савинков пока не может обо всём договориться.

Лукомский спросил потом у Корнилова, было ли у Львова какое-то письменное удостоверение от Керенского. Но генерал считал это излишним: «Репутация у В. Н. Львова — человека безукоризненно порядочного, и я ему не мог не поверить»³⁶.

Львов предложил Корнилову на вы-

бор несколько комбинаций сдвига власти вправо, из которых главковерх предпочёл возглавление правительства при вхождении в него Керенского и Савинкова. Лавр Георгиевич заявил, что «по его глубокому убеждению, единственным исходом из тяжёлого положения страны является установление диктатуры и немедленное объявление страны на военном положении»³⁷. Речь шла не о коллективной диктатуре, а о передаче власти диктатору³⁸.

Затем Завойко и Львов стали уже без Корнилова обсуждать состав будущего кабинета, имея в виду сделать премьером Корнилова, а Керенского в лучшем случае заместителем (а можно и заменить его Алексеевым)³⁹.

Однако затем, при обсуждении в «мозговом центре» Ставки, формально диктатуру решили считать коллективной⁴⁰. Корнилов, по словам Завойко, соглашался возглавить Совет национальной обороны, намеревался сам оставаться в Ставке, а в Петрограде иметь заместителя — Алексеева, Савинкова или Керенского⁴¹. Корнилов мотивировал необходимость участия Керенского в правительстве «той популярностью, которою Керенский ещё продолжает пользоваться в широких кругах населения»⁴².

26 августа по просьбе Керенского Львов составил записку о требованиях главнокомандующего, в которой говорилось: «Генерал Корнилов предлагает: 1) объявить Петроград на военном положении и 2) передать всю власть военную и гражданскую в руки Верховного главнокомандующего, 3) отставки всех министров, не исключая и министра-председателя, и передачи временного управления министерств товарищам министров впредь до образования Кабинета Верховным главнокомандующим»⁴³. Как выяснилось, последний пункт в беседе Львова и Корнилова не фигурировал.

После отъезда Львова Корнилов собрал свой мозговой центр — Филоненко, Завойко, Аладьина — и попросил их составить схему новой власти и её программу. Этой властью должен был стать Совет национальной обороны во главе с Корниловым и заместителем Керенским⁴⁴. Совету должно было подчиняться новое правительство, которое включало бы и правых социалистов Плеханова и Церетели, но в основном опиралось на ещё более правый политический спектр и «деловых людей» Путилова и Третьякова⁴⁵.

В ночь на 27 августа Корнилов послал телеграмму Савинкову о том, что 28-го числа корпус будет сосредоточен в окрестностях Петрограда. Теперь Савинкову нужно было продавить принятие «закона Корнилова» о смертной казни и военно-полевых судах в тылу.

А что же Львов? Встретив случайно в

Петрограде штабного офицера В. Вырубова, он сказал, что Керенский оказался «бабой» и его нужно заменить на более сильного человека⁴⁶. Таким образом, получается, что Львов реализовывал свой личный политический проект смещения Керенского, шантажируя премьера угрозой со стороны военных. Львов вообще был разочарован в Керенском после того, как оказался исключён из правительства. Так что интрига Львова могла быть направлена и на устранение Керенского под угрозой действий Корнилова.

Около шести вечера 26 августа Львов предстал пред очи Керенского. Он был возбуждён, заявил, что «ситуация полностью изменилась» и Керенский «под колпаком»⁴⁷. Львов пытался добиться утверждения премьером проекта, который поддерживал сам и с которым согласился Корнилов. Чтобы нажать на «бабу Керенского», Львов приписал Корнилову ультимативность его требований, хотя главковерх формально не выдвигал ультиматума⁴⁸.

Когда Керенский заявил, что не собирается «быть министром юстиции при Корнилове», «Львов вскочил. Лицо его прояснилось, и он воскликнул: «Вы правы! Вы правы! Не ездите туда. Там для вас расставлена ловушка; он вас арестует. Уезжайте куда-нибудь далеко. Но вы должны уехать из Петрограда. Они ненавидят Вас»⁴⁹. Конечно, здесь Львов мог говорить неправду, надеясь просто напугать Керенского и заставить его бежать, исчезнув с политической арены. Львов был уверен, что «баба» испугается. Но Керенский был человек совсем другого склада, и если и «бабой» — то актрисой, привычной к эпическим ролям. Столкнувшись с заговором, Керенский стал действовать, как герой Шекспира, выманивая сведения о заговорщиках, дабы нанести по ним неотвратимый удар.

Премьер попросил Львова изложить требования Корнилова письменно, что тот и сделал. Затем Керенский решил выяснить по прямому проводу, уполномочил ли Львова Корнилов. На вопрос: «Просим подтвердить, что Керенский может действовать согласно сведениям, переданным Владимиром Николаевичем», Корнилов ответил: «Вновь подтверждая тот очерк положения, в котором мне представляется страна и армия, очерк, сделанный мной Владимиру Николаевичу с просьбой доложить Вам, я вновь заявляю, что события последних дней и вновь намечающиеся повелительно требуют вполне определённого решения в самый короткий срок»⁵⁰.

Как видим, Лавр Георгиевич «подтвердил» невесть что. Характерно, что Александр Фёдорович тоже формулировал вопросы двусмысленно: Керенский не «должен», а «может действовать согласно

сведениям», то есть речь вроде бы не идёт о реакции на ультиматум. Корнилов же на что-то намекает, но не говорит прямо.

Что за «определённое решение»? Сдача власти? Объявление чрезвычайного положения в Петрограде со всеми вытекающими последствиями? Введение смертной казни в тылу? Керенский не выясняет это, а Корнилов тоже не говорит прямо, опасаясь, видимо, что этот разговор может быть перехвачен сторонниками Советов.

На следующий день Филоненко, прочтя ленту, не смог скрыть от Корнилова своего удивления: «Каким образом он мог столь легкомысленно подтвердить слова Львова, содержание которых оставалось ему неизвестным»⁵¹.

Керенский считал, что он задавал вопросы Корнилову в «конспиративной манере», и, если тот отвечал с полным пониманием, это значит, что генерал понимал «ключ» разговора. А «ключ» этот привёз Львов. В действительности Корнилов мог ориентироваться не только по «ключу Львова», но и по «ключу Савинкова». Но фокус в том, что Савинков, игравший двойную игру, не передал Керенскому своего «ключа», не пересказал свои разговоры с Корниловым во всех важных деталях.

Роль лакмусовой бумажки заговора для Керенского играло и приглашение приехать в Могилёв. Корнилов звал его не только в случае волнений в столице, а «во всяком случае»⁵². «Я хотел выяснить, на самом ли деле они опасались большевиков, или это было просто предлогом»⁵³. Оказалось — просто предлогом.

Керенский готов был проводить политику умиротворения Корнилова, пока сохранялось разделение полномочий между военными и гражданскими руководителями, при которых верховное руководство остаётся за гражданскими. Откровения Львова при всей их путаности и неточности показали пре-

мьеру, что главковерх не смиритсЯ с ролью второго в тандеме. И в этом картина, нарисованная Львовым, была верна. Поняв это, Керенский больше не шёл на уступки ни Корнилову, ни тем, кто готов был их примирить.

Своей нелепой активностью Львов сорвал планы Савинкова по введению правой диктатуры под революционными знамёнами. Наивность Савинкова заключалась в том, что он рассчитывал удержать Корнилова под контролем.

Чрезвычайная комиссия, члены которой в этом конфликте симпатизировали скорее главковерху, чем премьеру, заключила: «Генерал Корнилов... настаивал на том, чтобы все конкретные меры в этом направлении были приняты с согласия Временного правительства и лишь по обсуждении этих мер на совещании у генерала Корнилова общественными деятелями совместно с представителями Временного правительства в лице министра-председателя А. Ф. Керенского и управляющего военным министерством — Б. В. Савинкова»⁵⁴. Вопреки выводам комиссии, Корнилов не собирался добиваться согласия на реорганизацию власти со стороны всего Временного правительства. Ему было достаточно его «представителей» в лице Керенского и Савинкова, который и вовсе не входил в кабинет. Мнения левого крыла правительства генерал вовсе не собирался учитывать. Корнилов предложил Керенскому пожаловать в политическую ловушку.

Корнилов и его сторонники готовили военную операцию, направленную на изменение существующей государственно-политической системы, то есть переворот.

И ВСЁ ЖЕ МЯТЕЖ

Ночью Керенский отправил телеграмму № 4153 Корнилову: «Приказываю Вам немедленно сдать должность генералу Лукомско-

му, которому впредь до прибытия нового верховного главнокомандующего вступить во временное исполнение обязанностей главковерха. Вам надлежит немедленно прибыть в Петроград. Керенский»⁵⁵.

В Ставке заметили, что телеграмма не оформлена по правилам. Для Корнилова это был скорее формальный повод не уходить в отставку, внешне сохраняя легитимность и выигрывая время, пока Крымов подойдёт к Петрограду. Но, когда подлинность телеграммы подтвердилась, Лавр Георгиевич, разумеется, не подчинился. Под утро 28 августа Корнилов подписал пафосное обращение, в котором сообщал, что отказался подчиниться приказу Временного правительства, которое «кидает в народ призрачный страх контрреволюции, которую оно само своим неумением к управлению, своею слабостью во власти, своею нерешительностью в действиях вызывает к скорейшему воплощению»⁵⁶.

Это уже было начало переворота против политической системы, которая существовала тогда в России. Но при том соотношении сил он не мог кончиться удачей: получился не переворот, а мятеж.

Генералы и политики, сторонники «твёрдой власти», видели главную угрозу в хаосе, идущем от низов общества. Они не понимали объективных причин движения масс и считали, что первопричина этого бедствия — немецко-большевистская интрига. Они думали, что только волевая «сила», направленная сверху вниз, может остановить проснувшийся плембс. Они видели этой силой себя.

Качнув неустойчивую конструкцию Временного правительства вправо, генералы и их политические партнёры снова пробудили массы, не имея даже твёрдой поддержки солдат. Мятеж нарушил равновесие, которое затем стало неудержимым смещаться влево...

Примечания

1. Дело генерала Л. Г. Корнилова. Август 1917 — июнь 1918. Документы. Т. 2. М. 2003. С. 300.
2. Юрьев А. И. Эсеры на историческом переломе (1917–1918). М. 2001. С. 81.
3. Селезнёв Ф. А. Путилов и выступление генерала Корнилова (апрель–август 1917 г.) // Падение империи. Революция и Гражданская война в России. М. 2010. С. 72–73.
4. Там же. С. 79.
5. Дело генерала Л. Г. Корнилова. Т. 1. С. 217.
6. Там же. С. 244.
7. Там же. С. 219.
8. Керенский А. Ф. Прелюдия к большевизму. М. 2006. С. 38–39.
9. Дело генерала Л. Г. Корнилова. Т. 1. С. 235.
10. Там же. С. 255.
11. Там же. Т. 2. С. 549.
12. Там же. Т. 1. С. 257.
13. Лукомский А. С. Из воспоминаний // Архив русской революции. Т. 2. М. 1992. С. 104–105.
14. Дело генерала Л. Г. Корнилова. Т. 1. С. 13.

15. Лукомский А. С. Указ. соч. С. 108.
16. Дело генерала Л. Г. Корнилова. Т. 1. С. 240.
17. Деникин А. И. Очерки русской смуты. Борьба генерала Корнилова. Август 1917 г. — апрель 1918 г. М. 1991. С. 36.
18. Керенский А. Ф. Указ. соч. С. 248.
19. Дело генерала Л. Г. Корнилова. Т. 1. С. 198.
20. Селезнёв Ф. А. Указ. соч. С. 86.
21. Половцов П. А. Дни затмения. М. 1999. С. 192.
22. Дело генерала Л. Г. Корнилова. Т. 1. С. 258.
23. Там же. С. 189.
24. Катков Г. М. Дело Корнилова. М. 2002. С. 182.
25. Лукомский А. С. Указ. соч. С. 108.
26. Дело генерала Л. Г. Корнилова. Т. 1. С. 188.
27. Там же. С. 275.
28. Там же. С. 304.
29. Керенский А. Ф. Указ. соч. С. 261.
30. Там же. С. 262–263.
31. Дело генерала Л. Г. Корнилова. Т. 1. С. 190.
32. См., например: Селезнёв Ф. А. Указ.

33. Дело генерала Л. Г. Корнилова. Т. 1. С. 152.
34. Там же. С. 150. В дальнейшем, когда Керенский отдал Львова под следствие за причастность к заговору, последний стал менять свои показания. Теперь Львов утверждал, что Керенский использовал его для сбора компромата на Корнилова, и соответствующим образом стал переписывать свои показания. «Выванное» (и, вероятнее всего, не замеченное) Керенским «поручение» собирать информацию о позициях правых сил превратилось уже в «категорическое поручение» Керенского. Вскоре врачи констатировали нервное заболевание у Львова (с. 156). В общем, вся история была вроде бы вызвана психованным Львовым и превращалась в фарс. И это было бы так, если бы не предыстория и не последующий явный отказ Корнилова подчиниться решению Временного правительства. Львов с его неадекватностью послужил спусковым крючком в назревавшем конфликте, а не его причиной.
35. Керенский А. Ф. Указ. соч. С. 141.

36. Лукомский А. С. Указ. соч. С. 115.
37. Дело генерала Л. Г. Корнилова. Т. 1. С. 240.
38. Там же. С. 241.
39. Там же. Т. 2. С. 103.
40. Там же. Т. 1. С. 241.
41. Там же. 228.
42. Там же.
43. Там же. С. 146.
44. Там же. Т. 2. С. 197.
45. Там же. Т. 1. С. 230; Т. 2. С. 105–106.
46. Там же. С. 165.
47. Керенский А. Ф. Указ. соч. С. 143.
48. Дело генерала Л. Г. Корнилова. Т. 1. С. 155.
49. Керенский А. Ф. Указ. соч. С. 147.
50. Дело генерала Л. Г. Корнилова. Т. 1. С. 147.
51. Миллюков П. Н. История Второй русской революции. М. 2001. С. 370.
52. Дело генерала Л. Г. Корнилова. Т. 1. С. 147.
53. Керенский А. Ф. Указ. соч. С. 167.
54. Дело генерала Л. Г. Корнилова. Т. 1. С. 166.
55. Там же. С. 178.
56. Там же. Т. 2. С. 493.